

Основные темы и мотивы творчества Ювана Шесталова

(4 часть)

В период написания повестей Ю. Шесталов создает поэмы. Поэма «Пробуждение» вошла в сборник «Радуга в сердце» (1963); «Идол» и «Голос новой жизни» опубликованы в сборнике «Глаза белой ночи» (1967); «На железных нартах», «Черное море», «Медвежье игрище», «Кара-юйя!» — в сборнике «Песня последнего лебедя» (1969), «Бубен, гуди!», «Таежная поэма» вошли в сборник «Таежная поэма» (1970). Объединила весь лирический эпос «Языческая поэма» (1971).

«Языческой поэме» критика дала высочайшие оценки. Ю. Прокушев считает, что «это одно из выдающихся произведений нашей советской многонациональной литературы, одна из лучших современных поэм».¹ М.Г. Воскобойников заявляет, что «Языческая поэма» возвестила миру о рождении большого советского писателя, он называет Шесталова «правофланговым в поэзии северян».² Сам поэт отмечает, что в поэме «пытался изобразить человека Севера без экзотических прикрас, опираясь на мансийский фольклор, на мудрость старых легенд и поверий, вобравших в себя многовековой духовный опыт моего родного народа. Это социалистический строй дал моим книгам крепкие интернациональные крылья».³ «Языческая поэма» — пример того, какие богатейшие возможности открыло прошлое перед поэтом. Многие песни в поэме созданы на основе народных преданий, они воссоздают историческое прошлое. В. Солоухин, подчеркивая

---

¹ Прокушев Ю. Даль памяти народной. — М.: Молодая гвардия, 1978. — С. 193.

² Воскобойников М. Эти песни легче птицы. — Литературная Россия, 2 декабря 1977. — С. 3.

³ Шесталов Ю.Н. Литературная газета, 10 января 1979. — С. 3.

значимость произведения, пишет, что завтрашний школьник будет обязательно изучать поэму Шесталова одновременно с «Песней о Гайавате». При этом Солоухин считает, что «вровень с такими главами Ювановой поэмы, как «Песня глухаря», «Песня осетра», «Песня соболя», как «Пятая дума медвежьей головы», могут встать только самые лучшие главы из поэмы Лонгфелло».⁴ Идея поэмы и ее общая настроенность, как и эпических произведений прошлого, заключается в стремлении пробудить самосознание, патриотический дух родного народа, вселить в него веру в лучшее, более справедливое будущее. Конечно же, не все стихотворения поэмы соответствуют канонам соцреализма. Например, «думами» медвежьей головы, на основе смелых интерпретаций, Шесталов приглашает читателя заглянуть в глубинные пласты культурных традиций народа манси. Масштаб этого раздела удивляет всплеском фантазий поэта. Так в первом стихотворении «Звери» он раскрывает необычный способ самозащиты от освещения запретной медвежьей темы, он как бы прикрывает свое лицо от медведя берестяной маской. В масках выступают актеры на представлениях в медвежьих игрищах, она необходима для того, чтобы в жизни зверь не узнал человека, который во время сценок ругал, смеялся над его священным «духом».

«Языческая поэма» состоит из восьми песен, начинается предисловием — «Слово перед дальней дорогой». Первыми строками: «Я проснулся... А в окошко золотым оленем заглядывает солнце. Из дверей золотой птицей летит солнце. Два веселых солнца сверкнули из дощатой будки — два собачьих глаза, и я бегу на их зов. Я бегу к реке.

---

⁴ Солоухин В. Ю. Шесталов — внук шамана // Юван Шесталов. Собр. соч. — СПб. — Х-Мансийск, 1997. — Т. 2. — С. 146.

Там золотым язем плещется солнце!» поэт задает произведению яркий мажорный аккорд. Счастливое утро новой жизни «родной земли» — новая сказка. Но на пути к новой жизни поэта мучают сомнения. В стихотворении «Черное море», сверяя чувства с «изменчивым» морем, он пытается понять себя: «а может, и вправду ты хитрее меня, / Мудрее меня, колдовистее меня / и любого человека на земле?», «Кто ты, море? / Откройся! / Я не знал тебя, / Как не знаю до конца самого себя...». Поэта притягивает новая жизнь, но он одинок в своем начинании и поэтому мир кажется ему чересчур сложным. «Взобравшись» на очередную вершину творчества, Ю. Шесталов осознает, что стоит пока еще «на скользких камнях», возможно, его «враги» лишь на мгновение подарили ему этот «высокий покой». За свои сомнения он просит прощения у прадедов, раскрывая тем самым нелегкий путь в утверждении своей творческой позиции: «О прадеды, вы мне простите, / Что вижу не только зверье / И жадные рты идолов / Не мажу жертвенной кровью. / Отсюда я что-то вижу, / И сердце о чем-то болит».

Подчеркивая значение «Языческой поэмы» в творческой биографии поэта, отметим, что поэма — это принципиально новый тип художественности, в ее структуре объединились две разные художественные системы — древняя мифологическая и литературная. Нередко авторская позиция Ю. Шесталова соответствует принципу социалистического реализма, когда прошлое народа он рисует темными, мрачными красками, а новое, советское время воспевают как высшее благо, но на первое место выходит все же обращенность к традиционному началу: душе народа, его обычаям. Так ритуальные

действия на медвежьем празднике художественно воссозданы очень ярко и правдоподобно. Миф и реальность в поэме, как во всем творчестве этого периода у Ю. Шесталова неразрывно связаны. Если определять характер творчества поэта по какой-то одной особенности, то этой особенностью будет его обращенность к фольклорной традиции, причем его знания глубинные и основательные.

Осветив крупные произведения, созданные Шесталовым в период 1962-1972 годы, необходимо отметить и его художественную публицистику, ведь в это время он занимается журналистской деятельностью, его очерки периодически печатаются в газетах «Известие», «Правда», «Советская Россия». Писатель освещает проблемы жизни родного края, «человека Севера», экологию, политику, литературу народов Севера: «Северное сияние» (1962), «Важный и ответственный жанр: (о поэзии)» (1962), «Оленеводы» (1963), «Северные новинки» (1964), «Моя Югра: (о преобразованиях в Ханты-Мансийском округе)» (1968), «У древнего огня: (о писательской организации Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов)» (1969), «Дума старого манси» (1972) и др.

В целом 60-70-е годы очень продуктивны для литератора: окончательно формируется его мировоззрение, идейно-нравственная программа, наблюдается зрелое проявление таланта. В.Д. Лебедев отмечает, что голос Шесталова сразу же резко выделился на фоне всего северного литературного региона, так как его, прежде всего, интересует поэтический мир души своего народа, его мироощущения. Сложные впечатления бытия в поэзии и в прозе Шесталов складывает в некую эмоционально-философскую систему своего мировосприятия,

основанную на национальных фольклорных традициях. Интерес к устно-поэтическому наследию мы наблюдали уже на начальном этапе его творчества. Тогда поэт ограничивался традиционными тропами и преемственностью мифологических образов, а в период обращения к прозе корни его творчества уходят глубоко в народную традицию. Его путеводными звездами становятся все жанры родного фольклора. В повестях определяющими стали жанровые закономерности традиционно мансийских героических песен (тэрнинг эрыг), в которых личные воспоминания, наблюдения, впечатления высказываются от первого лица. В каждой повести, как и в фольклорных произведениях, развитие сюжета затормаживается лирическими отступлениями. Произведения изобилуют параллелизмами, этнографическими деталями, чередованием прозы и поэзии, необычными шесталовскими метафорами («гордым гусем плывет лодка меж задумчивых берегов сияющей реки», «синий ветер каслания»). В данной художественной конструкции определяющим началом у Шесталова является внимание к внутренней сущности бытия, а не к поступкам, их взаимосвязям.

После 1972 года Шесталов работает над повестью «Тайна Сорни-Най» (1976). Именно с этим произведением он связывает новый — третий этап своего творчества. По его высказыванию, в отличие от предыдущих повестей, в произведении «специальное содержание, придуманное». Повесть написана от третьего лица. Героя-манси писатель наделяет своими автобиографическими данными. Сергей Лугуй его ровесник, он родился в день его рождения. Такой способ представления героя писателю необходим для того, чтобы «чувства были более реальными». Для нас же жизнь главного героя раскрывает

мировоззрение Шесталова на данном этапе творчества. Сергей, как и сам писатель, оказался вовлеченным в бурный круговорот событий. Как и многие сверстники, он мечтает о сказочном Ленинграде, Институте народов Севера, но его судьба, в отличие от судьбы Шесталова сложилась иначе — он освоил профессию нефтяника. В повести описываются исторические события, повлиявшие на формирование внутреннего мира героя: строительство общества развитого социализма, нефтегазовое освоение Сибири. Эти же факторы оставили заметный след и в судьбе самого писателя. Вместе со своим героем писатель напряженно думает о завтрашнем дне родного края, ратует за бережливое, рачительное отношение к природе.

Среди исследователей оценка повести неоднозначна. Л.В. Полонский называет ее «умным, добрым, поэтическим произведением». В.Д. Лебедев отмечает, что она не стала творческой удачей художника, так как в ней «нет того чарующего, обостренно-поэтического восприятия мира, которое волновало, увлекало, заколдовывало читателя в первых повестях».⁵ Если следовать этой мысли, то действительно в повести многое вторично, знакомы сцены, повесть переполнена романтизацией подвигов покорителей природы. Если же обратимся ко времени создания произведения, когда многие люди жили мечтой о подвиге в мирное время, то повесть, благодаря своей актуальности, очень удачна. Шесталов на много лет вперед озвучил проблемы, связанные с завтрашним днем жизни манси. Например, в детстве мир души Сергея формировал хранитель тайны

---

⁵ Лебедев В.Д. Манси. Очерк истории литературы. — Тобольск, 1995. — С. 120.

Сорни-Най старый Ильли-Аки, мальчик следовал его наставлениям; затем школьные учителя прививали ему другие ценности, они говорили о высоком предназначении человека, призывая северян овладеть профессией врача, учителя, инженера. Вследствие этого выпускники школ утрачивали связь с национальными истоками культуры, были глухи к стонам родной природы.

Рассмотрим одну из сцен повести: Сергей, ставший геодезистом, должен рубить просеку. Он встал перед кедром, думает: «А комсомольцы разве могут быть суеверными? И кто нынче придерживается отсталых обычаев предков?» <...> Засверкало стальное лезвие топора, белыми птицами полетели щепки. Стонало вековое дерево, кричали растревоженные ронжи, из густых ветвей выскочила белка и стрелою полетела на ветку соседнего дерева. А таежное эхо повторяло и стук топора, и плач ронж. Где-то далеко застонал одинокий филин. Молнией сверкнуло лезвие топора, затрещал таежный богатырь и с громом свалился наземь. Тайга стонала, не понимая, что происходит вокруг» (5, 72). Герой Шесталова, прежде чем приступить к рубке дерева, все-таки задает себе вопросы, чтобы хоть как-то оправдать действия. Он новый современный человек и прогресс им понимается только как процесс покорения природы. Писатель оправдывает героя: «Не будет просеки — не будет карт». Подобные оправдания и становились причинами отрицательных отзывов на повесть Шесталова. Н. Качмазова увидела в этом приеме «неуверенность авторской позиции в оценке действий героя».⁶ Конечно же, поступки и мысли героев раскрывают душу писателя, но

---

⁶ Качмазова Н. В сказке рождается земля // Мансийская литература / сост. Огрызко В.В. — М.: Литературная Россия, 2003. — С. 166.

их мировоззрения различны. В повести «Тайна Сорни-Най» именно писатель, а не его герой, слышит стоны тайги. Для Сергея же «с каждой щепкой, может быть, отлетали языческие представления, навеянные таежным детством...» Герои Шесталова в повести «Тайна Сорни-Най» — это гордые, честолюбивые люди. «Истинное честолюбие, — объясняет писатель, — это страстное стремление к воплощению своего «я» в деле, которому ты служишь. Это мечта о подвиге, в котором бы «я» смогло шагнуть далеко за пределы краткой личной жизни. Это борьба, беспощадная и бескомпромиссная, против временности и бренности всего существующего — гордое желание подчинить себе природу и заставить ее сохранить в себе отпечаток могучей личности, сознающей себя необходимой, правоспособной и сильной».⁷ Высказывание писателя отчасти соответствует и его творческой позиции на тот период жизни, так как, созидая, он верно служит выбранному пути; как носитель передовых нравственных, гражданских идеалов своего времени, живет мечтой о светлом будущем. Сегодня, как известно, философия Шесталова заключается не в желании подчинить себе природу, а «излечить» ее, сохранить для будущих поколений.

В повести «Тайна Сорни-Най» органично взаимодействуют два начала (мифофольклорное и цивилизованное), что подчеркивает степень одаренности писателя. Подобный жанр Н. Качмазова определяет как контаминацию жанров пограничных жанровых форм: социопсихологической повести («Анико из рода Ного» А. Неркаги), повести-исповеди («Я слушаю Землю» Е. Айпина), романизированного

---

⁷ Шесталов Ю. Самая чистая радость. — Ленинград, 1985. — С. 72.

мифа («Когда киты уходят» Ю. Рытхэу). Мы определяем повесть как лирико-психологическую.